

Он бросил взгляд на Му Цинфэна. Князь И спокойно обмахивался веером, не проявляя никаких эмоций, а Лэн Дун, хотя и вложил меч в ножны, всё ещё хмурился.

Гу Шаобай вздохнул про себя, сжав не слишком набитый кошелёк, и решительно сунул его в руки женщины.

— Возьми это, чтобы вылечить ребёнка.

Женщина схватила его руку, пытаясь оттолкнуть.

— Нет, нет! Мы и так уже достаточно вам обязаны. Как я могу взять деньги у вас, господин!

Гу Шаобай резко отдернул руку и строго сказал:

— Лечение ребёнка важнее. Просто спрячьте их и не дайте ему снова отобрать.

После того как он потерял деньги, у него пропало всякое желание гулять. Он тут же развернулся и быстро пошёл прочь.

Му Цинфэн неотступно следовал за ним.

— Третий господин — настоящий благодетель!

Гу Шаобай внезапно остановился, устремив взгляд на Му Цинфэна, который тоже резко замер. Он стиснул зубы и выхватил из рук Му Цинфэна изящно сплетённый шнурок.

— Извините, это я купил.

Му Цинфэн, не ожидая такого, действительно позволил отобрать его. Он раскрыл рот от изумления.

— Разве это не подарок для меня?

Гу Шаобай коварно улыбнулся.

— Разве я говорил это?

Сказав это, он повернулся и ушёл.

Му Цинфэн провёл весь вечер в своей комнате, погружённый в уныние.

Перед ужином он снова отправился в комнату Гу Шаобая.

Гу Шаобай, играя с тем самым шнурком, который стал его трофеем в схватке с Му Цинфэном, не шевельнулся, когда тот вошёл. В отсутствие посторонних он уже перестал притворяться и не считал нужным соблюдать приличия.

Му Цинфэн сказал:

— Мне всё ещё нравится этот шнурок. Назови цену, и я куплю его.

Гу Шаобай ждал этих слов весь день. Спокойно и лениво он ответил:

— Хорошо. Тысячу лян серебра.

Му Цинфэн усмехнулся.

— Действительно сын семьи Гу. Сразу же заламываешь цену.

Гу Шаобай приподнял веко, бросив на него косой взгляд.

— Князь может не покупать.

Внезапно Му Цинфэн наклонился вперёд, его дыхание коснулось носа и щёк Гу Шаобая, ощущаясь опасным и настойчивым.

— А что насчёт твоего сердца? Что я должен отдать за него?

На зрачках Гу Шаобая появились волны света, глядя на внезапно приблизившееся лицо. Затем он отклонился в сторону, избегая его взгляда и дыхания. Под напором резкого натиска его мягкий и спокойный голос медленно вытек из горла, словно наполненный бесконечным сожалением.

— Мир шумит, все стремятся к выгоде; мир суетится, все ищут выгоду... Князь, зачем тратить время на бесполезные вещи?

...

Му Цинфэн равнодушно усмехнулся, отодвинувшись, словно каждое слово, пронзающее сердце, превращалось в лёгкий ветер и ясную луну. На самом деле, внутри он был разбит. Он с горечью осознал, что к ударам можно привыкнуть.

Он недоумевал. Гу Шаобай выглядел как слабый белый кролик, но на самом деле был ежом в кроличьей шкуре. Казался безобидным и мягким, но на самом деле был непреклонен, полон противления и упрямства.

Гу Шаобай встряхнул банкноту в 1 000 лян, улыбаясь, как цветок, и протянул шнурок Му Цинфэну.

— Сделка завершена, князь, возьмите...

Му Цинфэн взял его, глядя на его жадное до денег выражение лица, и с нежностью произнёс:

— В «Гуан Я» сказано: шнурок — это связь... Третий господин, что бы ты ни хотел сделать, в этой жизни ты обречён быть связанным со мной...

Он протянул палец, чтобы ухватить острый подбородок Гу Шаобая, и усмехнулся.

— Этот шнурок будет твоим обетом любви, я с благодарностью принимаю его...

Он отпустил палец и повёл его вниз.

— Пойдём, поужинаем.

За ужином ни одно из блюд, подававшихся в обед, больше не появилось.

Хрустящий голубь, жареные мясные шарики, тушёный бамбук... Всё это было любимыми блюдами Гу Шаобая. Он решил превратить горечь в аппетит, есть и есть, словно поедая его плоть и питая его кровью. Но, наевшись до отвала, он вдруг осознал, что на самом деле не

ненавидит его так, как думал. Его ненависть, возможно, происходила лишь от разочарования — в Му Цинфэне, в своих собственных усилиях и в недостижимости любви.

Он не смог заснуть, вероятно, потому что слишком много съел.

Через пять дней они добрались до префектуры Солин. Пройдя через неё, оставался всего день пути до столицы.

Князь И решил заночевать в саду Цзэнин в префектуре Солин, где он должен был встретиться с одним человеком.

Когда зажгли фонари, человек в чёрном плаще вошёл через задние ворота сада Цзэнин.

Сад Цзэнин был владением князя И в префектуре Солин. Сад был большим, изысканно украшенным, с мостиками, ручьями, беседками и павильонами, каждый уголок был уникален. Префектура Солин располагалась между двумя горами, что создавало мягкий климат — зимой было тепло, а летом прохладно.

Этот сад был построен старым князем И для его супруги. Каждую зиму и лето они проводили здесь некоторое время.

Гостя провели в чайную комнату в западной части сада, где он, войдя, опустился на одно колено перед Му Цинфэном, который заваривал чай.

— Сымин опоздал, князь, прошу прощения за ожидание.

Му Цинфэн поднял руку.

— Не стоит церемоний, Сымин, садись.

Гость поднял голову. Его смуглое лицо, густые брови и пронизательные глаза, сильное и стройное тело, даже скрытое под чёрной одеждой, выдавали каждую напряжённую и твёрдую мышцу. Это был недавно назначенный командующий Лагеря Императорской гвардии, Ван Сымин.

Му Цинфэн налил заваренный чай в изумрудно-зелёную чашку и передал её Ван Сымину.

— Ты уже несколько месяцев на должности. Как дела?

Ван Сымин обеими руками принял чашку и поставил её на красный деревянный стол. Его голос звучал так же твёрдо, как и он сам:

— Всё в порядке. Я уже нашёл возможность удалить двух шпионов Ван Сыдао, и теперь все подчинённые — надёжные люди.

Му Цинфэн медленно кивнул.

— Ван Сыдао — хитрый и коварный человек. В последний год он тайно сблизился с влиятельными чиновниками, чтобы захватить контроль над правительством. Даже император услышал слухи, но пока не может найти за ним серьёзных ошибок. В этот раз я по тайному приказу императора отправился в Аньян и арестовал Гэ Чуньхуэя и Сунь Биньцзы. Если я не ошибаюсь, за этими мелкими негодяями стоит именно Ван Сыдао.

Он нахмурился.

— Пока что мне неясно одно: Ван Сыдао уже достиг высших чинов, зачем он так суетится? После возвращения в столицу нужно будет выбить признание из Гэ и Сунь. Без доказательств даже император не сможет его осудить.

Ван Сымин сделал несколько глотков чая.

— Ван Сыдао — жестокий и мстительный человек. Полгода назад смерть губернатора Линъяна Ань Су, вероятно, его рук дело. Ань Су был прямолинеен и всегда был с ним в плохих отношениях. Во время доклада в столице они поссорились, и он чуть не ударил его. В результате, на обратном пути в Линъян он умер, утонув. Место, где он утонул, было далеко от почтовой станции. Разве это могло быть случайностью? Кто, кроме него, мог быть настолько жестоким?

Му Цинфэн поднёс чашку к носу, и в лёгком аромате чая его глубокие глаза, даже сквозь пар, сияли ярким светом. Его прищуренные глаза удлиннили уголки, создавая холодный контур.

— Сымин, следи за Императорской тюрьмой. Кто-то, вероятно, уже не может сидеть спокойно.

После того как Ван Сымин ушёл, Му Цинфэн отправился в беседку у озера в заднем саду.

Озеро слегка колыхалось, лунный свет, словно челнок, ткал звёзды на поверхности воды, создавая иллюзию рассыпанного золота, словно сон.

Тёплый ветер позднего лета пронёсся через листву, скользнул по поверхности озера, принося влажный аромат воды. Гу Шаобай, опираясь на резные перила беседки, выглядел спокойным, но внутри бушевали скрытые волны.

В его крови что-то рвалось наружу, долго подавляемое, оно жаждало вырваться из оков, чтобы исполнить своё желание!

Он глубоко вдохнул. В тишине ночи, казалось, можно было услышать, как растёт трава и распускаются цветы, сопровождаемые внезапно участившимся биением сердца.

— Долго ждал?

Голос, пронзивший щели ночи, неожиданно раздался рядом.

Он обернулся. Слои красного шёлка, словно чешуя, поднялись, и за ними появилась величественная фигура Му Цинфэна.

Он пришёл в парадном наряде. Чёрный плащ с красной отделкой, вышитый золотыми и серебряными нитями с узорами гор и рек, выглядел величественно и внушительно. Его присутствие было ярким, он был рождён, чтобы превосходить, не похожий на обычного светского красавца.

Гу Шаобай с грустью подумал, что он, должно быть, был сумасшедшим, когда поверил, что этот человек был купцом с юга. От макушки до пяток в нём не было ни капли купеческой сущности!